

И. М. Бердников, Н. Б. Соколова

**ДИНАМИКА НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ КАМЕННОГО ВЕКА
СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-6-20

УДК 902(571)“634” ББК 63.442.14(253)

На основании сравнительного анализа данных по Северной и части Восточной Азии обсуждаются вопросы расселения охотников-собирателей и культурная динамика в неолите (~8,6–5 тыс. кал. л. н.) Байкало-Енисейской Сибири, которая в это время оказалась «на перекрестке миров». Согласно выдвинутой гипотезе, заселение Байкало-Енисейской Сибири в раннем неолите, начиная с ~8,6 тыс. кал. л. н., шло преимущественно с востока и юго-востока, то есть с территорий Северного Китая и Дальнего Востока через Забайкалье и Монголию, о чем свидетельствует появление в регионе традиций шнуровой керамики и «скорченных» погребений. После ~7 тыс. кал. л. н. отмечается появление охотников-собирателей, пришедших с запада. Они расселились по северу региона, на территории Якутии и к юго-востоку от Байкала, а позднее, вероятно, приняли участие в формировании культурной модели позднего неолита. Средненеолитическое население, для которого были характерны как минимум две гончарные традиции, усть-бельская и посольская, около 6 тыс. кал. л. н. вытесняется новыми группами охотников-собирателей, с которыми ассоциируются исаковские и серовские комплексы. Носители усть-бельской гончарной традиции, по всей видимости, переселялись преимущественно в направлении Урало-Западносибирского региона, где появляются близкие по облику керамические типы, а посольской — в Забайкалье и Монголию. Поздненеолитические популяции, следы которых после ~5 тыс. кал. л. н. теряются, могли быть частично ассимилированы новым населением, появившимся, как и в раннем неолите, с востока и юго-востока, но, возможно, определенная их часть переместилась в более северные районы Средней Сибири, которые все еще слабо изучены.

Ключевые слова: *Байкало-Енисейская Сибирь, неолит, охотники-собиратели, культурная динамика, погребальные традиции, гончарство, межрегиональные связи*

Введение

Современный этап неолитоведения Байкало-Енисейской Сибири¹ качественно отличается от предыдущих наличием внушительной источниковой базы по погребальным комплексам и многослойным местонахождениям и массивом естественнонаучных данных, среди которых важнейшими являются серии радио-

углеродных определений, полученных AMS-методом, и данные по стабильным изотопам углерода и азота.²

По результатам биоархеологических исследований канадско-российского Байкальского археологического проекта (далее — БАП) предложена новая концепция развития культур среднего голоцена (от позднего мезолита до ранней бронзы)³ Предбайкалья.⁴ Она основана

¹ Под Байкало-Енисейской Сибирью понимается территория юга Средней Сибири, дополнительно включающая юго-западное Прибайкалье с Тункинской долиной и Окинским плато Восточного Саяна.

Бердников Иван Михайлович — к.и.н., заместитель директора по науке НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет (г. Иркутск)
E-mail: geoarch.isu@gmail.com

Соколова Наталья Борисовна — м.н.с. НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет (г. Иркутск)
E-mail: snb-87@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, проект № FZZE-2023-0007

² См.: Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / Бердников И. М. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53; Средненеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса / Бердников И. М. [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 42–51; Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: хронология и пищевые тренды / Вебер А. В. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 43. С. 7–59.

³ См.: Вебер А. В. Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: основные факторы и процессы в развитии культур охотников-собирателей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 43. С. 128–187.

⁴ Восточная часть Байкало-Енисейской Сибири, включающая, по определению А. Вебера, территории Приангарья (от истока до Усть-Илимска), Верхней Лены и юго-западного побережья оз. Байкал. Границы на западе и севере неопределенные.

исключительно на данных по погребальным комплексам и не принимает во внимание достижения иркутской археологии в области изучения многослойных местонахождений и гончарства. Использованный при разработке концепции один из подходов дарвинистской археологии, который подразумевает приоритетную роль естественного отбора и оптимизации энергии для добычи ресурсов, существенно ограничил возможности интерпретации данных и привели к ряду не совсем корректных, на наш взгляд, выводов.

В качестве альтернативы мы предложили свою историко-культурную модель с учетом данных по стоянкам охотников-собирателей, причем не только условного Предбайкалья, но и других территорий Байкало-Енисейской Сибири, которая в среднем голоцене представляла собой единое социокультурное пространство.⁵ Однако некоторые важные аспекты расселения охотников-собирателей остались нераскрытыми, поэтому их следует обсудить подробнее. Для решения этой задачи в настоящем исследовании мы не только анализируем культурную динамику в неолите Байкало-Енисейской Сибири, но и привлекаем данные по сопредельным с ней регионам Северной Азии, Монголии и Китая, чтобы выяснить степень межрегиональных связей и какое влияние оказывали экзогенные факторы на сложение и трансформацию местных традиций.

Материалы и методы

Хронологические рамки исследования ограничены интервалом ~8,6–5 тыс. кал. л. н., что в археологической периодизации, в нашем понимании, соответствует неолиту (табл. 1).⁶ У исследователей БАП этот период включает еще этап так называемого позднего мезолита (8630–7560 кал. л. н.), который характеризуется распространением в Предбайкалье могил хиньской группы.⁷ Однако мы убедительно показали необоснованность выделения позднемезолитического этапа,⁸ исходя из традиционных для сибирской археологии представлений, что начало неолита следует связывать с появлением гончарства. Керамика в это время уже получила широкое распространение в регионе, и это хорошо иллюстрируют результаты исследований многослойных местонахождений.⁹

Для сравнения привлекаются материалы археологических комплексов сопредельных регионов — Западной Сибири с Зауральем, Якутии, Забайкалья, Дальнего Востока, Монголии и Северного Китая. При обсуждении проблем хронологии, сравнительного анализа и корреляции источников предпочтение отдается AMS-датам. Для Байкало-Енисейской Сибири таких дат достаточно и они состоят из двух блоков данных: 1) по антропологическим материалам с поправкой на пресноводный резервуарный эффект (далее — ПРЭ) и фауне из погребений;¹⁰ 2) по фаунистическим остаткам из отдельных культуросодержащих горизонтов многослойных местонахождений и в редких случаях по нагару (пищевой корке) с внутренней поверхности керамических сосудов.¹¹

Данные исследований древней ДНК не обсуждаются, так как информация пока фрагментарна и довольно противоречива.

Формирование культурной модели раннего неолита

Для раннего неолита мы выделяем две фазы. Первая (~8,6–7,5 тыс. кал. л. н.) представляет собой интервал, в течение которого происходило сложение культурной модели, характеризующейся появлением гончарства (ранняя сетчатая и хайтинская шнуровая керамика) (рис. 1А, 15, 21, 31), небольших могильников и отдельных погребений хиньской группы, которые демонстрируют определенную вариативность в погребальном обряде, инвентаре и различное положение умерших (скорченное или вытянутое) (рис. 1А, 1–15). В экономике охотников-собирателей в это время отчетливо проявляются такие инновации, как гончарство и лук, который постепенно получает широкое распространение в Байкало-

⁵ См.: Бердников И. М., Соколова Н. Б. Социокультурная динамика в неолите Байкало-Енисейской Сибири: проблемы, гипотезы, факты // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 174–191.

⁶ Таблица основана на предложенной нами схеме социокультурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири с небольшой модификацией: «переходы», то есть интервалы времени, в течение которых происходило замещение одной культурной модели другой, здесь обозначены как фазы этапов. Первая фаза каждого из этапов фактически представляет собой хронологический диапазон сложения культурной модели, вторая — время относительно стабильного ее существования.

⁷ См.: Вебер А. В. Указ. соч.

⁸ См.: Бердников И. М., Соколова Н. Б. Указ. соч.

⁹ См.: Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири...

¹⁰ См.: Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: хронология и пищевые тренды...; Средненеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса...

¹¹ См.: Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири...

Таблица 1

ХРОНОЛОГИЯ И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИТА
ПРЕДБАЙКАЛЬЯ И БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Этап неолита	Общий интервал, тыс. кал. л. н. (тыс. кал. л. до н. э.)	Фаза, интервал, тыс. кал. л. н. (тыс. кал. л. до н. э.)	Погребальные традиции (группы) / керамические комплексы
Ранний	~8,6–7 (~6,6–5)	Фаза 1 ~8,6–7,5 (~6,6–5,5)	Хиньская группа (фаза 1), китойская и близкие ей традиции (фаза 2) / сетчатая и хайтинская керамика
		Фаза 2 ~7,5–7 (~5,5–5)	
Средний	~7–6 (~5–4)	Фаза 1 ~7–6,7 (~5–4,7)	Редкие погребения с вариациями в погребальном обряде и ранняя исаковская традиция (фаза 2) / устьбельская, посольская и аплинская керамика
		Фаза 2 ~6,7–6 (~4,7–4)	
Поздний	~6–5 (~4–3)	Фаза 1 ~6–5,7 (~4–3,7)	Исаковская и серовская традиции / исаковская, серовская и пунктирно-гребенчатая керамика
		Фаза 2 ~5,7–5 (~3,7–3)	

Енисейской Сибири. Около 7,5 тыс. кал. л. н. из плохо дифференцированного культурного субстрата первой фазы происходит выделение китойской общности (рис. 1А, 16–20, 22–30) с ареалом на юге Приангарья и других культурно близких ей раннеолитических групп, расселившихся в бассейнах Ангары, Верхней Лены и вдоль западного побережья Байкала. Отличительной чертой китойцев была традиция организации довольно крупных могильников в устьях рек, которыми, судя по всему, обозначались границы территорий обитания отдельных коллективов.

Ранний неолит региона в содержательной своей части демонстрирует значительные отличия от предшествующего периода мезолита, что выражается в первую очередь в упомянутых технологических новшествах, а также в постепенном увеличении плотности населения (если судить по количеству стоянок), что невозможно объяснить только результатом адаптации местного населения к меняющимся экологическим условиям. По нашему мнению, это явление прежде всего было обусловлено притоком новых групп охотников-собираателей, причем наиболее вероятными и основными источниками миграционных импульсов выступали регионы, расположенные к востоку и юго-востоку от Байкало-Енисейской Сибири. В пользу этой гипотезы свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, одна из характерных особенностей местного раннеолитического гончарства — декорирование сосудов оттисками шнура. Традиция эта типично

восточноазиатская и, по-видимому, наиболее ранние ее проявления (в финале плейстоцена) фиксируются на юге Китая¹² (рис. 1Б, 1), хотя дискуссии о возрасте ранних керамических комплексов еще ведутся.¹³ Довольно древние шнуровые сосуды, возраст которых также порой выходит за пределы голоцена, известны из раскопок в Приамурье и Забайкалье¹⁴ (рис. 1Б, 2–5). Таким образом, есть все основания полагать, что формирование хайтинского типа шнуровой керамики в Байкало-Енисейской Сибири — следствие эволюции этих традиций и не могло произойти само по себе, без участия населения, которое было с ними знакомо. Во-вторых, версия о том, что традиция украшения сосудов при помощи плетеной сетки —

¹² См.: Zhang C. The discovery of early pottery in China // *Documenta Praehistorica*. 2002. Vol. 29. P. 29–35; Early Pottery at 20,000 Years Ago in Xianrendong Cave, China / Wu X. [et al.] // *Science*. 2012. Vol. 336, iss. 6089. P. 1696–1700.

¹³ См.: Кузьмин Я. В. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса // *Российский археологический ежегодник*. 2013. № 3. С. 8–26; Яншина О. В. Переход от палеолита к неолиту в Китае. СПб., 2021.

¹⁴ См.: Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб., 2012; Разгильдева И. И., Куникита Д., Яншина О. В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // *Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. 2013. Вып. 2. С. 168–178; Vetrov V. M., Ineshin E. M. The Most Ancient Ceramics of Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64, iss. 2. P. 453–473; Жущиховская И. С., Мыльникова Л. Н. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы для учебного курса «Керамика как археологический источник») // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 10–33.

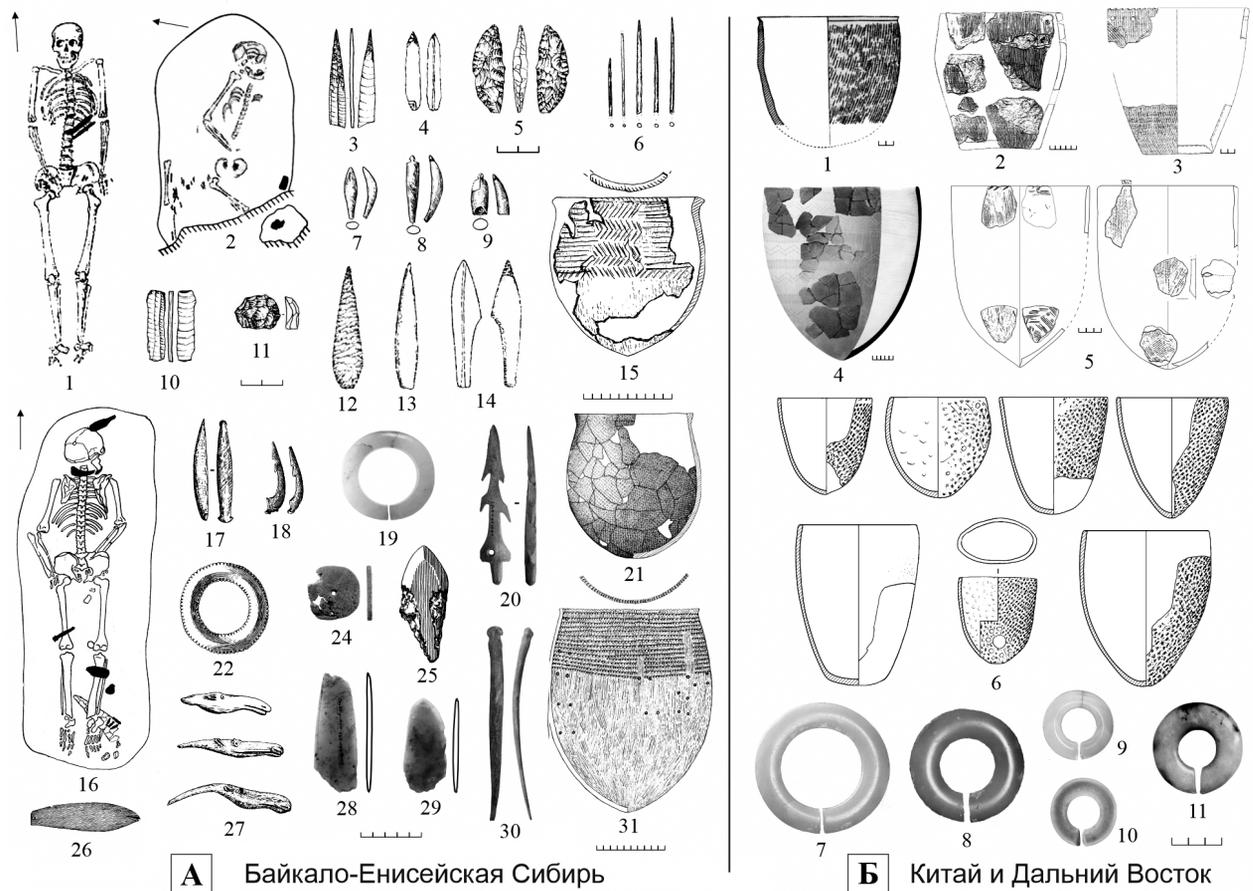

Рис. 1. Материалы раннеолитических погребений и многослойных местонахождений

А — Байкало-Енисейская Сибирь:

1–14 — (по: Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. № 9. С. 43–101; 15 — (по: Кичигин Д. Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. С. 93–97); 16, 20, 24, 28–30 — (по: Бердников И. М. Неолит Прибайкалья: история одной дискуссии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 3–45); 17, 18, 22, 26 — (по: Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л., 1950. Ч. 1–2); 27 — (по: Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989; Раннеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) / Базалийский В. И. [и др.] // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. № 4. С. 80–103; Базалийский В. И., Тетенькин А. В., Харинский А. В. Иркутск археологический // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. Т. 16. С. 8–27);

19 — не публиковалось (фото И. М. Бердникова); 21, 31 — (по: Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72)

Б — территория Китая и Дальнего Востока:

1 — (по: Zhang C. Op. cit.); 2 — (по: Жушиховская И. С., Мьльникова Л. Н. Указ. соч.); 3 — (по: Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Указ. соч.); 4 — (по: Vetrov V. M., Ineshin E. M. Op. cit.); 5 — (по: Разгильдеева И. И., Куникита Д., Яншина О. В. Указ. соч.); 6 — (по: Чжан В. Указ. соч.); 7–11 — (по: Yang H., Liu G., Tang C. Op. cit.)

автохтонное явление,¹⁵ в свете современных данных выглядит не так однозначно. В частности, на территории Северного Китая сегодня известны довольно ранние комплексы с сетчатой керамикой (рис. 1Б, 6), возможно, даже более древние, чем в Байкало-Енисейской Сибири,¹⁶ хотя публикуемые радиоуглеродные данные

требуют верификации. В-третьих, обращаясь к материалам сопредельных территорий, мы видим, что наиболее ранние «скорченные» погребения появляются на территории Китая,¹⁷ а в Забайкалье и Монголии эта традиция существовала на протяжении всего неолита.¹⁸ То есть общее направление ее распространения четко прослеживается (рис. 2А).

¹⁵ Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2017. № 2. С. 275–300.

¹⁶ См.: 张文瑞. 内蒙古高原南缘新石器时代中期文化遗存初步认识. *北方文物*. 2023. № 01. P. 51–59.

¹⁷ См.: Яншина О. В. Указ. соч. С. 131–133.

¹⁸ См.: Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008.

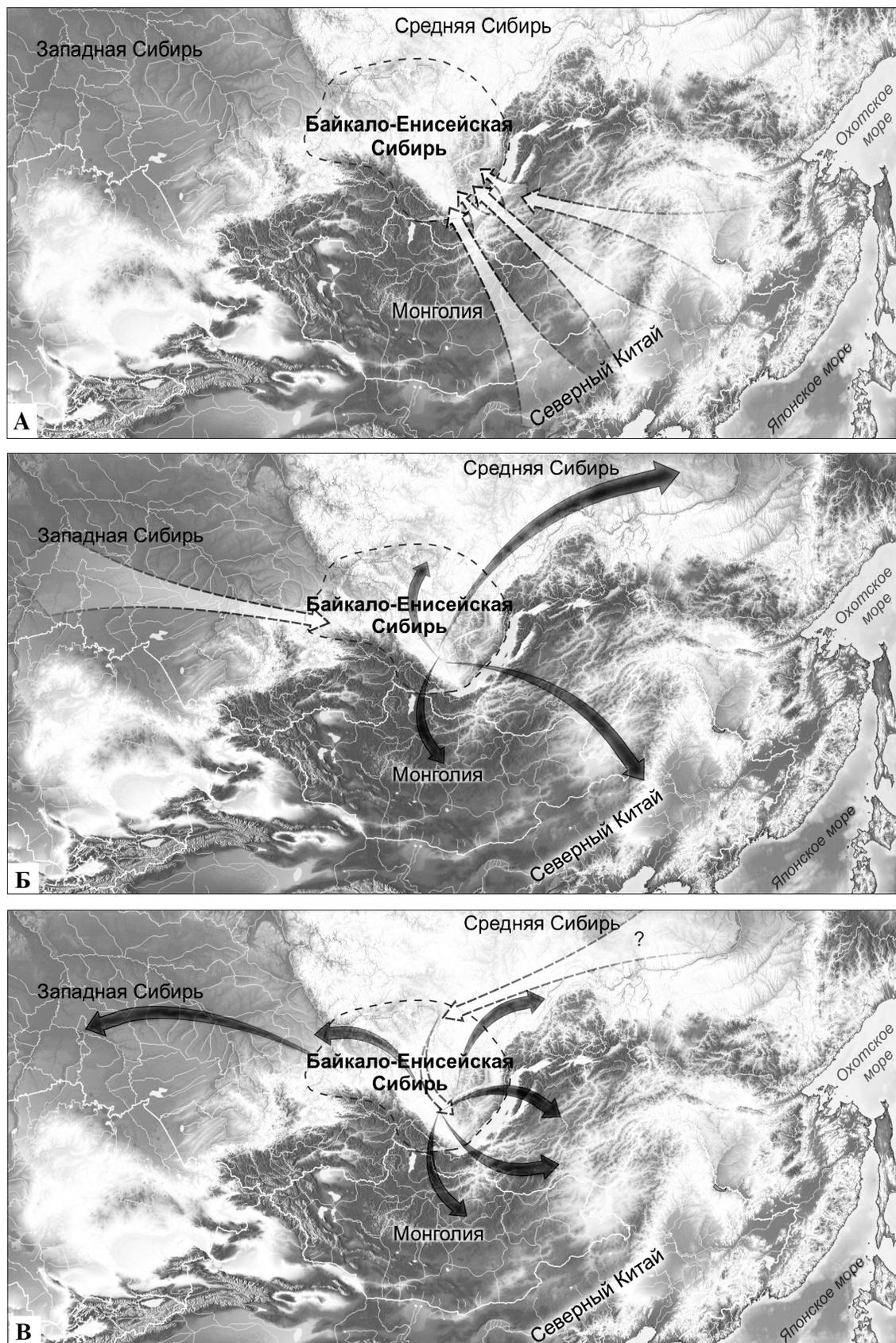

Рис. 2. Байкало-Енисейская Сибирь и связи с сопредельными территориями: вероятные пути миграций среднеголоценовых охотников-собирателей и распространения традиций в регион (светлые стрелки) и за пределы региона (темные стрелки)
 А — на этапе раннего неолита (~8,6–7 тыс. кал. л. н.)
 Б — на этапе среднего неолита (~7–6 тыс. кал. л. н.)
 В — на этапе позднего неолита (~6–5 тыс. кал. л. н.)

Еще один занимательный сюжет, указывающий на довольно тесные культурные связи Байкало-Енисейской Сибири с юго-восточными регионами, связан с изделиями из нефрита. Китайскую культуру вполне можно назвать «нефритовой», подобно неолитическим общностям Китая, где существовало особое отношение к этой породе. Нефрит, в основном зеленый (редко светлоокрашенный, белый), из которого изготавливались тесла, ножи и редкие украшения, высоко ценился раннеолитическими охотниками-собирающими Южного Приангарья, и, возможно, стратегия расселения китайцев, включавшая территорию саянских притоков Ангары — Иркутка, Китоя и Белой, — в том числе учитывала наличие в их верховьях проявлений нефритовых пород. Наиболее интересным свидетельством таких межрегиональных культурных связей является находка кольца с пропилом из белого нефрита (рис. 1А, 19) в одном из китайских погребений в устье р. Белой,¹⁹ ближайшие неолитические аналоги которому нам известны только в материалах пещеры Чертовы Ворота на Дальнем Востоке и культуры Синлунва в Северном Китае²⁰ (рис. 1Б, 7–11).

Вопросы расселения раннеолитических популяций и формирование культурной модели среднего неолита

Упадок китайской культуры в Предбайкалье и в целом раннеолитической модели в Байкало-Енисейской Сибири начался, судя по всему, около 7 тыс. кал. л. н. В течение еще примерно 300 лет после этого фиксируются редкие комплексы раннего облика, как погребения, так и стоянки, после чего исчезают. Версия А. Вебера, что это было обусловлено преимущественно изменениями соотношения площадей лесов и открытых ландшафтов,²¹ выглядит неубедительно, так как, во-первых, данные по палеоклимату Предбайкалья все еще довольно фрагментарны, чтобы моделировать ситуации в разрешении нескольких сотен лет, а во-вторых, как отмечено выше, концепция БАП игнорирует результаты изучения многослойных местонахождений, которые указывают на появление в это время новых групп охотников-собирающих.

Возможные пути исхода раннеолитического населения предполагают два основных направления (рис. 2Б). Первое северное / северо-восточное, то есть в районы Северного Приангарья (в связи с этим уместно вспомнить результаты датирования могильника Сосновый Мыс)²² и, вероятно, далее в таежные области Средней Сибири, а также по Лене на территорию Якутии, где складывается сылахская культура с сетчатыми сосудами,²³ демонстрирующими высокую степень близости с ранней керамикой Предбайкалья в морфологии, конструировании и декорировании (рис. 3В). Второе вероятное направление — южное / юго-восточное, через Забайкалье и Монголию в сторону Северного Китая, где продолжали развиваться традиции сетчатой и шнуровой керамики. По Забайкалью данные довольно противоречивы, но редкие находки такой керамики на его территории (по крайней мере в западной его части) известны.²⁴ В Монголии также встречается шнуровая и сетчатая керамика с более поздними датами.²⁵

Возможно, климатические флуктуации сыграли определенную роль, но главным фактором деградации раннеолитической культурной модели стало, по нашему мнению, заселение региона новыми группами охотников-собирающих, конкуренцию которым предшественники составить не могли в силу, вероятно, отличий социальной структуры и адаптационных стратегий. Первые миграционные импульсы соотносятся с первой фазой среднего неолита, о чем говорят радиоуглеродные данные по нагару со среднеолитических сосудов (даже с учетом их вероятного удревнения) и установленная по результатам AMS-датирования верхняя хронологическая граница для ранней сетчатой и хайтинской керамики

¹⁹ См.: Бердникова Н. Е., Ветров В. М. Новый раннеолитический могильник в устье р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 44–50.

²⁰ См.: Yang H., Liu G., Tang C. The origin of jades in East Asia: jades of the Xinglongwa culture. Hong Kong, 2007.

²¹ См.: Вебер А. В. Указ. соч.

²² См.: Могильник Сосновый Мыс в Северном Приангарье: анализ погребального обряда и результаты радиоуглеродного датирования / Савельев Н. А. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 3–37.

²³ См.: Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.

²⁴ См.: Цыденова Н. В. Неолит — бронзовый век Западного Забайкалья (по материалам стоянок Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Озера I): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2021.

²⁵ См.: Яншина О. В. Указ. соч. Табл. 50; Janz L., Feathers J., Burr G. Dating surface assemblages using pottery and eggshell: assessing radiocarbon and luminescence techniques in North-east Asia // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 57. P. 119–129.

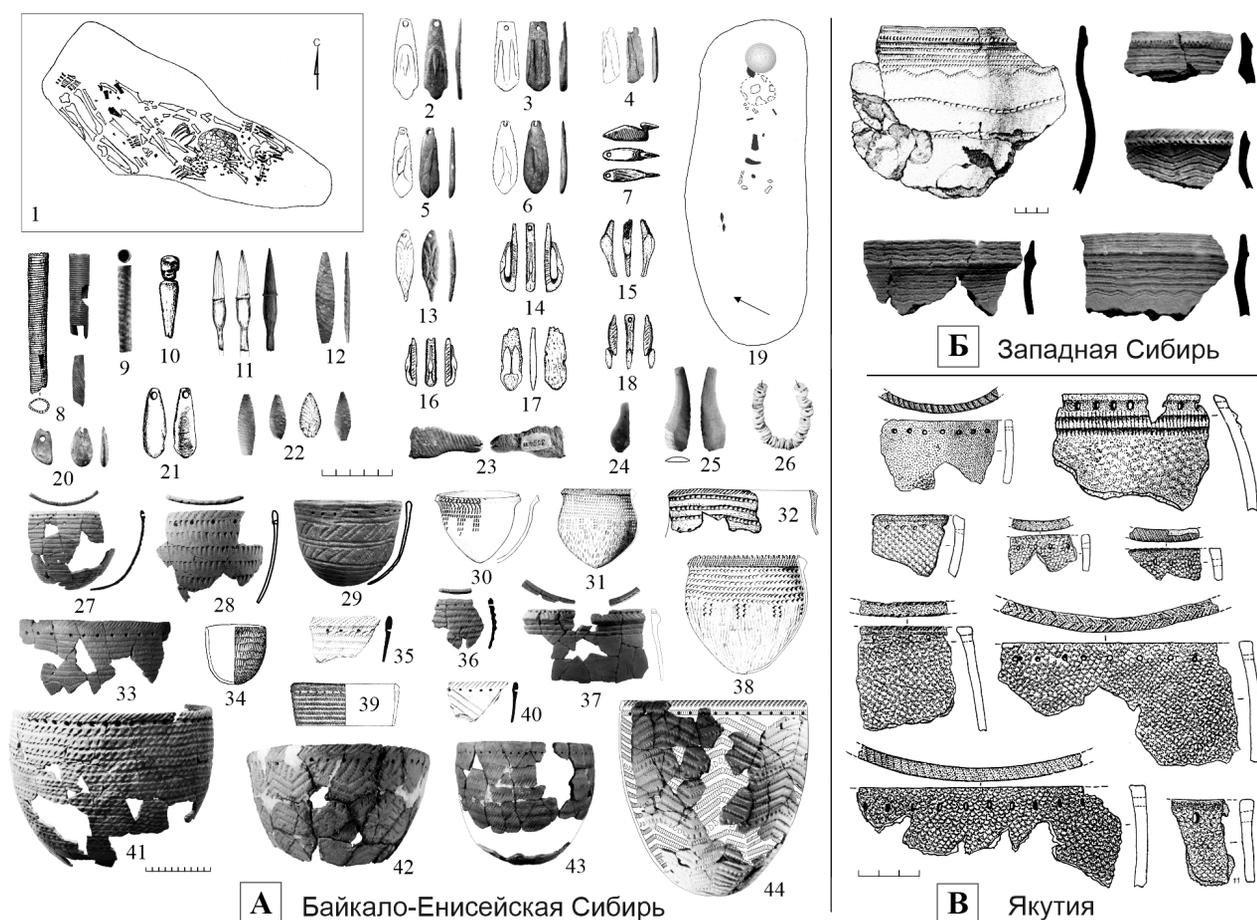

Рис. 3. Материалы средненеолитических погребений и многослойных местонахождений

А — Байкало-Енисейская Сибирь:

1, 8, 14–18, 39 — (по: Дзюбас С. А., Абдулов Т. А., Друлис М. В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 47–56; фото И. М. Бердникова); 2–6, 9, 12, 13, 20, 22–26, 29 — (по: Средненеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса ...); 7, 10, 21, 34 — (по: Окладников А. П. Неолитическое погребение на Афонтовой горе // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 7–13); 11 — (по: Бердникова Н. Е. Шигирский наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 156–173); 19 — (по: Стоянка им. Генералова (р. Чуна): результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Бердникова Н. Е. [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191); 27, 28 — (по: Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири / Уланов И. В. [и др.] // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 3. С. 530–559); 30, 31, 38 — (по: Савельев Н. А., Уланов И. В. 2018. Указ. соч.); 32 — (по: Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геологического объекта Саган-Заба II / Долганов В. А. [и др.] // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 125–132); 33, 35, 36, 40, 41 — (по: Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Указ. соч.); 37, 42–44 — (по: Уланов И. В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2022. 378 с.)

Б — ранне-неолитическая валиковая керамика Западной Сибири (по: Еньшин Д. Н. Указ. соч.)

В — сетчатые сосуды сылахской культуры Якутии (по: Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня. Якутск, 2013. Т. 1)

Приангарья.²⁶ Во вторую фазу произошло довольно быстрое расселение новых групп по всей территории Байкало-Енисейской Сибири. В их числе выделяются две крупных общности — носителей усть-бельской (рис. 3А, 27–29, 33–35, 39–44) и посольской гончарных традиций (рис. 3А, 30–32, 37, 38), оказавших наиболее заметное влияние на облик культурной модели среднего неолита.

²⁶ См.: Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири...

Главным направлением, откуда шло заселение региона на этом этапе, как нам представляется, было западное. В первую очередь на это указывают особенности морфологии и декора сосудов усть-бельского типа, который является, по сути, наиболее восточным проявлением гребенчато-ямочных традиций Северной Евразии, пусть и не в чистом их виде. И хотя в сопредельном регионе Западной Сибири ситуация с более ранними или даже синхронными гребенчато-ямочными комплексами для нас

все еще не совсем понятна (вследствие недостатка надежных радиоуглеродных данных), указанный вектор сохраняется в качестве наиболее вероятного, так как подобные традиции уже существовали на более отдаленных территориях Восточной Европы. О культурных связях охотников-собираателей Байкало-Енисейской Сибири и Урало-Западносибирского региона говорят и данные по редким погребениям, которые в основном относятся ко второй фазе среднего неолита, и распространение мифа о ныряльщике, нашедшего отражение в мелкой пластике с фигурами водоплавающих птиц²⁷ (рис. 3А, 1–26, 29, 34, 39).

Посольская гончарная традиция обнаруживает определенное сходство с раннеолитической хайтинской, прежде всего в морфологии сосудов и шнуровом декоре, но современные данные также не исключают связи с западными сопредельными территориями. В частности, такой своеобразный конструктивный элемент, как крупный налп в устьевой части сосуда, позволяет обратиться в поисках аналогий к материалам Западной Сибири, где отмечены находки подобной керамики (валиковой), но, видимо, более древней²⁸ (рис. 3Б). Близкими в обоих случаях выглядят и композиции орнамента, занимающего верхнюю часть сосудов. Если в будущем их связь подтвердится, это будет означать, что посольский тип мог появиться в результате смешения традиций — западного происхождения и местных.

Еще один пример синкретизма, более явный, — это аплинский тип керамики (рис. 3А, 36), в котором сочетаются традиционные черты среднего (конструирование, композиции орнамента) и раннего (сетчатый технический декор) неолита.²⁹ Ранее мы предполагали довольно позднее его появление, однако последние данные говорят о том, что формирование этой своеобразной традиции началось уже в среднем неолите.³⁰ Так как наибольшее число ап-

линских сосудов обнаружено в Северном Приангарье, возможно, его возникновение является следствием культурного взаимодействия раннеолитических охотников-собираателей, оставшихся в северных районах (или сылахской культуры), и носителей усть-бельской гончарной традиции.

У среднеолитического населения Байкало-Енисейской Сибири, в отличие от китойцев, не было крупных могильников, поэтому по погребальному обряду данные фрагментарны. Однако значительную часть известных захоронений можно связать с носителями усть-бельской гончарной традиции.³¹ В Северном Приангарье на этом этапе также отмечаются первые проявления исаковской погребальной традиции,³² которая в более южных районах Предбайкалья получила распространение только в позднем неолите (см. ниже).

Вопросы расселения охотников-собираателей среднего неолита и формирование позднеолитической культурной модели

Очередные изменения культурной ситуации произошли в Байкало-Енисейской Сибири около 6 тыс. кал. л. н. Среднеолитическое население покидает регион, причем в разных направлениях, если опираться на данные по сопредельным территориям (см. рис. 2В).

Для носителей усть-бельской гончарной традиции основным направлением исхода, вероятно, было западное, так как в Урало-Западносибирском регионе в это время получают распространения близкие по облику керамические типы. Среди них прежде всего следует обратить внимание на екатерининский, сосуды которого, как и усть-бельские, украшены штампами (гребенчатым, гладким) и наколами, в том числе в технике отступания, а также, возможно, на такие типы, как ушынский и андреевский³³ (рис. 4Б). Не исключено, что их

²⁷ См.: Среднеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири...

²⁸ См.: Еньшин Д. Н. Керамика неолита поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье (III и IV группы): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 17–30.

²⁹ См.: Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 72–83.

³⁰ См.: Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.

³¹ См.: Среднеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса...

³² См.: Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология / Марченко Ж. В. [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 3. С. 16–28.

³³ См.: Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск, 2014; Зах В. А., Зимица О. Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Приоболье (по материалам поселения Велижаны 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 5–16; Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я. Неолитический могильник Большая Умытья 100 на севере Западной Сибири: планиграфия, хронология, стратиграфия // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 8–22.

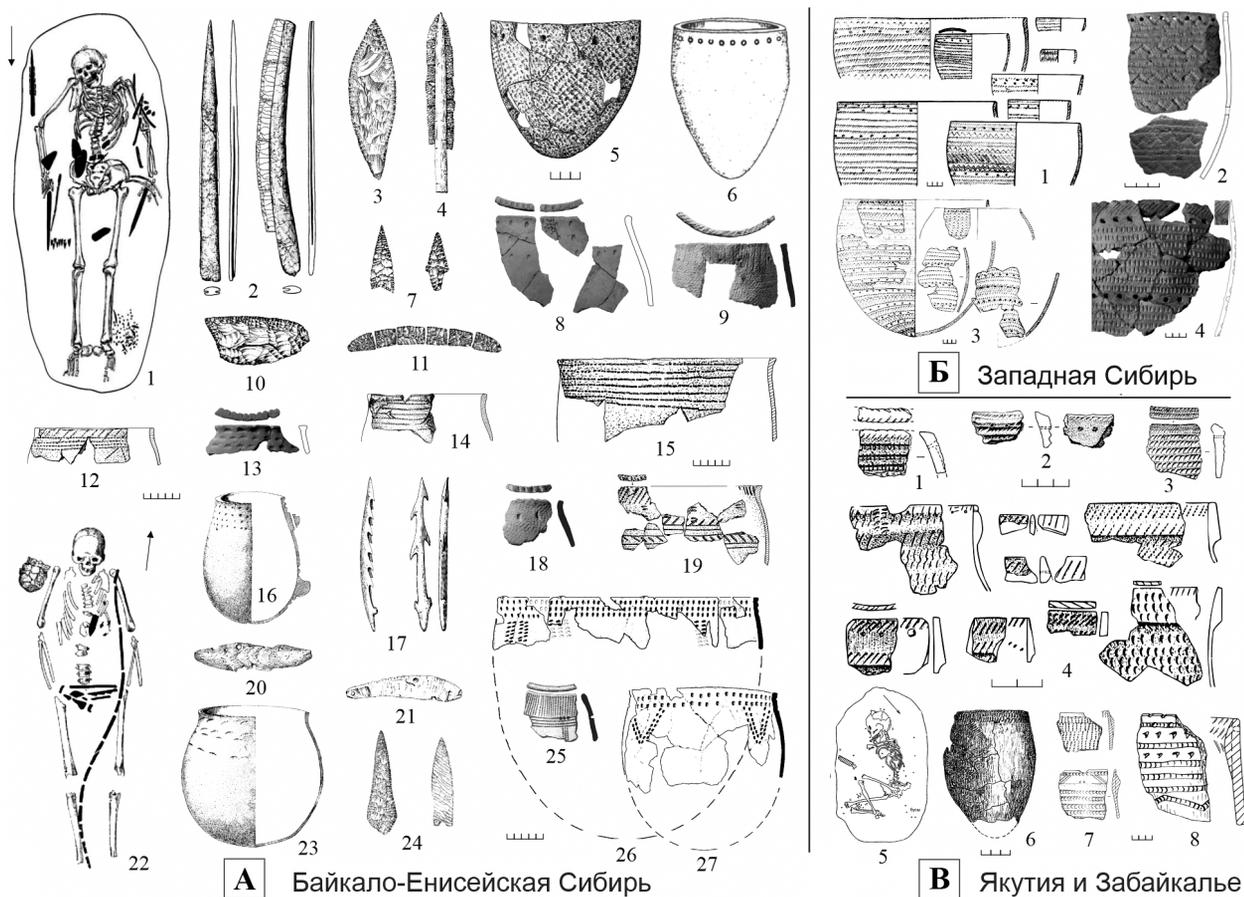

Рис. 4. Материалы поздненеолитических погребений и многослойных местонахождений

А — Байкало-Енисейской Сибири:

1–5, 7, 10, 11 — (по: Базалийский В. И. Указ. соч.); 6, 16, 17, 20–24 — (по: Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья...); 8, 13 — (по: Уланов И. В. Указ. соч.); 9, 18, 25 — (по: Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Указ. соч.); 12, 14, 15, 19 — (по: Пунктирно-гребенчатая керамика и ее место в неолите Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) / Долганов В. А. [и др.] // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2011. Т. 10 (3). С. 84–91); 26, 27 — (по: Герман П. В., Леонтьев С. Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. Вып. 1. С. 78–85)

Б — керамика позднего неолита — раннего металла Западной Сибири:

1, 3 — екатерининская (по: Петров А. И. Указ. соч.); 2 — ушйинская (по: Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Труфанов А. Я. Указ. соч.); 4 — андреевская (по: Зах В. А., Зимина О. Ю. Указ. соч.)

В — усть-бельская и посольская (и близкая им) керамика Якутии и Забайкалья:

1–3 — (по: Дьяконов В. М. Указ. соч.); 4 — (по: Ветров В. М. Указ. соч.); 5, 6 — (по: Окладников А. П., Кириллов И. И. Указ. соч.); 7, 8 — (по: Горюнова О. И., Новиков А. Г., Мархаева Д. А. Указ. соч.)

формирование связано в том числе с миграциями охотников-собирателей из Байкало-Енисейской Сибири.³⁴ На Среднем Енисее также, видимо, под влиянием усть-бельской традиции формируется более поздний бобровский тип.³⁵

За Байкалом находки керамики усть-бельского типа встречаются в основном близ восточного его побережья. Например, довольно

представительная ее коллекция обнаружена при раскопках стоянки Посольская³⁶ (рис. 4 В, 8). Однако из-за отсутствия надежных радиоуглеродных дат пока неясно, синхронна она комплексам Байкало-Енисейской Сибири или более молодая, что могло бы свидетельствовать о частичном заселении этих районов носителями усть-бельской гончарной традиции в позднем неолите. Определение по образцу кости человека из погребения с усть-бельски-

³⁴ Пока это всего лишь умозрительные заключения и для прояснения данного вопроса необходим их детальный сравнительный анализ с керамикой усть-бельского типа.

³⁵ См.: Мандрыка П. В. Бобровский тип керамики на Енисее // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 58–62.

³⁶ См.: Горюнова О. И., Новиков А. Г., Мархаева Д. А. Морфологический анализ и датировка керамики Посольской стоянки (по материалам раскопок Е. А. Хамзиной 1959 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 25–37.

ми сосудом со стоянки Посольская показало дату 5530 ± 15 л. н. (UCIAMS 260527), что соответствует возрасту 6331 ± 35 кал. л. н. или 4382 ± 35 кал. л. до н. э. Учитывая, что она явно удревнена вследствие ПРЭ, надо полагать, что корректная датировка комплекса — самый финал среднего неолита или даже начало позднего, то есть первая его фаза. Далее на восток или на юг проявления усть-бельской традиции пока нам не известны. Еще одно вероятное направление — северо-восточное, обеспеченное пока лишь находками трех сосудов на местонахождениях Средней Лены в Якутии, которые предложено отнести к новому типу — калайскому.³⁷ От усть-бельских сосудов они отличаются лишь наличием отверстий в устьевой части вместо ямок (рис. 4 В, 1–3).

Носители посольской гончарной традиции продвигались преимущественно в восточном и юго-восточном направлениях. Об этом говорят находки подобных сосудов в Монголии,³⁸ а также Забайкалье — на той же Посольской стоянке³⁹ (рис. 4 В, 7, 8) и в бассейне Верхнего Витима (так называемая усть-юмурченская культура)⁴⁰ (рис. 4 В, 4). Судя по всему, она получила распространение вплоть до Восточного Забайкалья, причем с некоторыми трансформациями, в результате которых при сохранении валика и шнурового декора исчезли отверстия в устьевой части, как у сосуда из погребения на оз. Ножий⁴¹ (рис. 4 В, 5, 6).

Интенсивное освоение Байкало-Енисейской Сибири новыми популяциями, с которыми связано распространение (главным образом в Предбайкалье) исаковской и серовской погребальных традиций (рис. 4 А 1–7, 10, 11, 16, 17, 20–24), происходило в течение первой фазы позднего неолита, однако выше уже отмечалось, что первые исаковские захоронения появились в Северном Приангарье уже на предыдущем этапе. Облик керамических сосудов исаковского типа, сплошь декорированных оттисками плетеной сетки (рис. 4 А, 5, 6), указы-

вает на определенные связи этой группы охотников-собираателей с раннеолитическим населением региона, хотя в сложении исаковской общности могли принимать участие и охотники-собираатели сысалахской культуры с сетчатой керамикой, которая в, свою очередь, имела корни в Предбайкалье.

Более сложный вопрос — поиски ранних аналогий для другой группы населения, оставивших погребения серовской традиции. Они пока не очевидны, но учитывая использование сетки для декорирования части сосудов, как и в случае с исаковцами, допустима мысль о раннеолитическом «наследии» и/или северо-восточном компоненте в их происхождении. При этом керамические сосуды — серовские и пунктирно-ребенчатые (также соотносимые с серовцами) (рис. 4 А, 8, 9, 12–15, 16, 18, 19, 23, 25–27) — в целом довольно своеобразны по форме, а в ряде случаев демонстрируют элементы синкретизма, выраженного в использовании при орнаментации зубчатого штампа, характерного для среднего неолита. То есть в данном случае наблюдается смешение традиций, которое отражает довольно сложный характер культурных контактов нескольких групп охотников-собираателей разного происхождения.

Около 5 кал. тыс. л. н. ситуация в регионе вновь меняется и начинается формирование культурной модели раннего бронзового века, для которой характерны многочисленные погребения с изделиями из нефрита, преимущественно белого (особенно много колец и дисков), первыми, пока редкими, металлическими предметами, а также иная гончарная традиция — сосуды с «жемчужинами» и «рубчатым» техническим декором. Значительные отличия этой модели от неолитических позволяет сделать вывод о новом миграционном импульсе, который, как и в начале среднего голоцена, шел преимущественно с востока-юго-востока. В пользу этой гипотезы говорят не только находки нефритовых артефактов, но и возвращение традиции хоронить умерших в скорченных позах, которая в регионе после окончания первой фазы раннего неолита почти не практиковалась. Как сложилась судьба позднеолитического населения после этих изменений, пока не совсем понятно, так как на сопредельных территориях достоверные проявления исаковской и серовской традиций нам не известны. Не исключено, что какая-то часть этих общностей приняла участие в сложении культурной модели раннего

³⁷ См.: Дьяконов В. М. Керамика калайского типа в неолите Якутии (к вопросу о контактных зонах неолитических культур Якутии и Байкальской Сибири) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая. Иркутск, 2023. С. 42–47.

³⁸ См.: Цыденова Н. В. Указ. соч.

³⁹ См.: Горюнова О. И., Новиков А. Г., Мархаева Д. А. Указ. соч.

⁴⁰ См.: Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 34–41.

⁴¹ См.: Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980.

бронзового века, как полагает А. Вебер,⁴² однако сложно представить, что произошла их полная трансформация вследствие ассимиляции. Учитывая хорошую адаптированность исаковцев и серовцев к таежным условиям, можно предположить, что некоторые группы вполне могли мигрировать в северном направлении, например в малоизученные в археологическом отношении районы бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгуски.

Заключение

В настоящем исследовании впервые принята попытка сравнить обобщенные данные по неолиту Байкало-Енисейской Сибири с материалами сопредельных территорий, чтобы объяснить механизмы культурной динамики местных охотников-собирателей в контексте межрегиональных связей. Направления, показанные на картах на рис. 2, не следует воспринимать буквально, то есть как направления разовых и быстрых миграций. Это лишь общее представление о гипотетических путях перемещений групп охотников-собирателей — носителей конкретных традиций, в первую очередь гончарных и погребальных, которые, несмотря на общие черты, могли значительно варьировать. Характер этих перемещений наверняка был довольно сложным и постепенным с разнонаправленными движениями отдельных популяций и повторяющимися миграционными импульсами, но в рамках общего вектора расселения в перспективе от нескольких тысяч лет (на ранних этапах) до нескольких сотен и десятков (на более поздних). Например, для того, чтобы традиции шнуровой керамики (возникшие, видимо, на территории Китая уже в финале плейстоцена) проникли в Байкало-Енисейскую Сибирь, ушла не одна тысяча лет, и в течение этого периода они распространились по Дальнему Востоку и Забайкалью. Также довольно долго шел процесс формирования раннеолитической модели на территории Байкало-Енисейской Сибири, где для выделения ядра в виде китойской культуры понадобилось еще около тысячи лет. Вероятно, это было обусловлено низкой плотностью населения в раннем и начале среднего голоцена и невысокой степенью конкуренции, что в целом не способствовало объединению малочисленных разрозненных коллективов. Если обращаться к более поздним этапам, то

видно, что эти процессы занимали уже не так много времени, очевидно, вследствие увеличения общей численности населения и более жесткого соперничества за ресурсы.

Некоторые представленные нами гипотезы могут на первый взгляд показаться недостаточно аргументированными, однако это результат не поверхностного анализа, а фрагментарности имеющихся данных, и главным фактором в данном случае является малое количество надежных радиоуглеродных определений. Наиболее изученным в этом отношении, если рассматривать территорию Сибири, пока остается Предбайкалье, для неолита которого получены сотни надежных AMS-дат и разработана хронология погребальных комплексов (с учетом ПРЭ) и основных типов керамики из многослойных местонахождений. Но сравнивать их с данными по сопредельным территориям проблематично, так как зачастую предлагаемые хронологические модели основаны на определениях, полученных устаревшим методом жидкостной сцинтилляции либо на не очень надежных AMS-датах по пищевой корке с керамических сосудов и антропологическим материалам без учета возможного радиоуглеродного смещения. Крайне сложно анализировать данные по Китаю и Монголии, и не только вследствие незначительного числа публикаций на русском и английском, но и по причине отсутствия возможности проверить, как соотносятся радиоуглеродные даты с археологическими комплексами и насколько они корректны. Тем не менее, несмотря на не всегда удовлетворительное качество привлекаемых сведений, общая картина расселения охотников-собирателей в Северной Азии и сопредельных с ней регионах с каждым годом становится все детальнее.

Байкало-Енисейская Сибирь, в буквальном смысле оказавшаяся «на перекрестке миров», в течение среднего голоцена заселялась с разных направлений: в раннем неолите (начиная с ~8,6 тыс. кал. л. н.) преимущественно с востока и юго-востока, в среднем (с ~7 тыс. кал. л. н.) — с запада, а в позднем (с ~6 тыс. кал. л. н.) — с севера и, возможно, северо-востока. При этом важно подчеркнуть, что местное население разных этапов также принимало участие в сложении новых культурных моделей и определенные свидетельства этих процессов на региональном уровне хорошо прослеживаются.

Такой в целом представляется нам картина культурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири в контексте взаимосвязей

⁴² См.: Вебер А. В. Указ. соч.

с сопредельными территориями и преемственности местных традиций. Безусловно, она будет уточняться и корректироваться, но для этого необходимы новые данные. В долгосрочной перспективе есть определенные надежды на палеогенетические исследования, которых с каждым годом становится все больше, одна-

ко, чтобы анализ древней ДНК стал надежным инструментом изучения неолитических популяций рассматриваемых регионов Евразии, нужны наборы данных для сотен и тысяч индивидов с ясным контекстом и надежными радиоуглеродными данными, на что, очевидно, потребуется немало времени.

Ivan M. Berdnikov

Candidate of Historical Sciences, SRC “Baikal Region”, Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)
E-mail: geoarch.isu@gmail.com

Natalia B. Sokolova

Junior Researcher, SRC “Baikal Region”, Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)
E-mail: snb-87@mail.ru

DYNAMICS OF NEOLITHIC CULTURES OF BAIKAL-YENISEI SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE STONE AGE OF NORTHERN ASIA AND NEIGHBORING TERRITORIES

Based on a comparative analysis of data from Northern Asia and parts of East Asia, the article discusses issues of the spread of hunter-gatherers and cultural dynamics in the Neolithic of Baikal-Yenisei Siberia (~8.6–5 ka cal BP), which at that time found itself literally “at the crossroads of the worlds”. According to the authors’ hypothesis, the settlement of Baikal-Yenisei Siberia in the Early Neolithic, starting from ~8.6 ka cal BP, came mainly from the east and southeast, that is, from the territories of Northern China and the Far East through Transbaikalia and Mongolia, as evidenced by the appearance of traditions of cord-impressed ceramics and “crouched” burials in the region. After ~7 ka cal BP, the appearance of hunter-gatherers who came from the west is noted. They settled in the north of the region, in the territory of Yakutia and southeast of Lake Baikal, and later probably took part in the formation of the Late Neolithic cultural model. The Middle Neolithic population, which was characterized by at least two pottery traditions (Ust-Belaya and Posolskaya), was displaced about 6 ka cal BP by new groups of hunter-gatherers, whom the Isakovo and Serovo complexes are associated with. The bearers of the Ust-Belaya pottery tradition, apparently, moved mainly in the direction of Western Siberia and the Trans-Urals, where ceramic types with similar characteristics appeared, and the Posolskaya tradition bearers — to Transbaikalia and Mongolia. The Late Neolithic populations, whose traces are lost after ~5 ka cal BP, could have been partially assimilated by a new population that appeared, as in the Early Neolithic, from the east and southeast, but perhaps a certain part of them moved to the more northern regions of Central Siberia, which are still poorly studied.

Keywords: *Baikal-Yenisei Siberia, Neolithic, hunter-gatherers, cultural dynamics, burial traditions, pottery, interregional connections*

REFERENCES

- Alekseev A. N., Dyakonov V. M. [Radiocarbon Chronology of Neolithic and Bronze Age Cultures in Yakutia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2009, no. 3 (39), pp. 26–40. (in Russ.).
- Bazaliisky V. I. [Burial Complexes of Late Mesolithic — Neolithic of Baikalian Siberia: Burial Traditions, Absolute Age]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2012, no. 9, pp. 43–101. (in Russ.).
- Bazaliisky V. I., Livers A. R., Haverkort K. M., Pezhemsky D. V., Tyutrin A. A. et al. [Early Neolithic Burial Complex of the Shamanka II Burial Ground (Based on Materials of the 1998–2003 Excavations)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2006, no. 4, pp. 80–103. (in Russ.).
- Bazaliiskii V. I., Tetenkin A. V., Kharinskii A. V. [Irkutsk Archaeological]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”], 2016, vol. 16, pp. 8–27. (in Russ.).
- Berdnikov I. M. [Neolithic of the Cis-Baikal: The Story of One Discussion]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk

State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2018, vol. 26, pp. 3–45. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.3 (in Russ.).

Berdnikov I. M., Goriunova O. I., Novikov A. G., Berdnikova N. E., Ulanov I. V. et al. [Chronology of the Neolithic Ceramics of Baikal-Yenisei Siberia: Basic Ideas and New Data]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2020, vol. 33, pp. 23–53. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23 (in Russ.).

Berdnikov I. M., Lokhov D. N. [The Aplin Type of Net-Impressed Pottery]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2013, no. 2 (3), pp. 72–83. (in Russ.).

Berdnikov I. M., Makarov N. P., Savenkova T. M., Berdnikova N. E., Sokolova N. B. et al. [Middle Neolithic Burials in Baikal-Yenisey Siberia: Problems of Cultural Identity and Genesis]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2023, vol. 51, no. 1, pp. 42–51. DOI: 10.17746/1563-0102.2023.51.1.042-051 (in Russ.).

Berdnikov I. M., Sokolova N. B. [Social and Cultural Dynamics in the Neolithic of Baikal-Yenisey Siberia: problems, hypotheses and facts]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2023, no. 4, pp. 174–191. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.4.174.191 (in Russ.).

Berdnikov I. M., Ulanov I. V., Sokolova N. B. [Neolithic Pottery of the Baikal-Yenisei Siberia: Technological Tradition in the Territorial and Chronological Context]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2017, no. 2, pp. 275–300. (in Russ.).

Berdnikova N. E. [The “Shigir” Point in the Upper Region of Lena River (Cis-Baikal)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2013, no. 1 (2), pp. 156–173. (in Russ.).

Berdnikova N. E., Rogovskoy E. O., Berdnikov I. M., Lipnina E. A., Lokhov D. N., et al. [Generalov Site (Tchouna River). Results of Rescue Excavations in 2013]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2014, vol. 7, pp. 150–191. (in Russ.).

Berdnikova N. E., Vetrov V. M. [A New Early Neolithic Burial Ground at the Mouth of the Belaya River (Southern Baikal Siberia)]. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii* [Problems of History and Culture of Nomadic Civilizations of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2000, vol. 1, pp. 44–50. (in Russ.).

Dolganov V. A., Goriunova O. I., Novikov A. G., Weber A. V. [Complexes with Posol'sk Type Pottery in the Cis-baikal Neolithic: Materials from the Upper V Layer of the Sagan-Zaba II Geoarchaeological Object]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2013, vol. 12, iss. 7, pp. 125–132. (in Russ.).

Dolganov V. A., Goriunova O. I., Novikov A. G., Weber A. V. [The “Dotted-Comb” Ceramic Type and Its Place in Cis-Ol'khon Neolithic (Based on the Multilayered Habitation Site Sagan-Zaba II)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2011, vol. 10, iss. 3, pp. 84–91. (in Russ.).

Dyakov V. M. [The Kalai Type Ceramics in the Neolithic of Yakutia (On the Issue of Contact Zones of Neolithic Cultures of Yakutia and Baikal Siberia)]. *Drevniye kul'tury Mongolii, Baykal'skoy i Yuzhnoy Sibiri, Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia, Northern China]. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN Publ., 2023, pp. 42–47. (in Russ.).

Dzyubas S. A., Abdulov T. A., Drulis M. V. [The Burial with Zoomorphic Images from the Ust-Ilir Burial Ground]. *Arkheologicheskoye naslediyе Baykal'skoy Sibiri: izucheniye, okhrana i ispol'zovaniye* [Archaeological Heritage of Baikal Siberia: Study, Security and Use]. Irkutsk: TsSN Publ., 1996, iss. 1, pp. 47–56. (in Russ.).

Enshin D. N. [Neolithic Pottery from the Settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim (Groups III and IV): Characteristics and Interpretation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2022, no. 2 (57), pp. 17–30. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-57-2-2 (in Russ.).

Georgievskaya G. M. *Kitoyskaya kul'tura Pribaykal'ya* [The Kitoi Culture of the Cis-Baikal Region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. (in Russ.).

German P. V., Leontiev S. N. [Neolithic Sanctuary on Sergushkin Island in Northern Angara Region (Results of the Studies in 2010)]. *Evrasiya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures], 2012, iss. 1, pp. 78–85. (in Russ.).

- Goriunova O. I., Novikov A. G., Markhaeva D. A. [Morphological Analysis and Dating of Pottery from the Posolskaya Site (Based on the Excavations of E. A. Khamzina in 1959)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2019, vol. 29, pp. 25–37. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.25 (in Russ.).
- Janz L., Feathers J., Burr G. Dating Surface Assemblages Using Pottery and Eggshell: Assessing Radiocarbon and Luminescence Techniques in Northeast Asia. *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 57, pp. 119–129. DOI: 10.1016/j.jas.2015.02.006 (in English).
- Kichigin D. E. [Neolithic Burial at Cape Uyuga (Lake Baikal)]. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Kyzyl: TuvGU Publ., 2014, pp. 93–97. (in Russ.).
- Klementyeva T. Yu., Pogodin A. A., Trufanov A. Ya. [Neolithic Burial Ground Bolshaya Umytia 100 in the North of Western Siberia: Planography, Chronology, Stratigraphy]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2023, no. 5, pp. 8–22. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.5.8.22 (in Russ.).
- Kuzmin Ya. V. [The Origin of Ceramics in Eurasia: Current State of the Issue]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2013, no. 3, pp. 8–26. (in Russ.).
- Lbova L. V., Zhambaltarova E. D., Konev V. P. *Pogrebal'nyye komplekсы neolita — rannego bronzovogo veka Zabaykal'ya (formirovaniye arkhetyпов pervobytnoy kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic — Early Bronze Age of Transbaikalia (Formation of Primitive Culture Archetypes)]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2008. (in Russ.).
- Mandryka P. V. [The Bobrovsky Type of Ceramics on the Yenisei]. *Drevniye kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China]. Abakan: IIMK RAN Publ., 2021, pp. 58–62. (in Russ.).
- Marchenko Zh. V., Grishin A. E., Garkusha Yu. N., Kerbs E. A. [Neolithic Burials in the Zelinda River Mouth, Northern Angara: Burial Practices and Radiocarbon Chronology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2022, vol. 50, no. 3, pp. 16–28. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.3.016-028 (in Russ.).
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S. A. *Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii. Epokha kamnya* [Essays on the Pre-literate History of Yakutia. The Age of Stone]. Yakutsk: Kompaniya Dani-Almas Publ., 2013, vol. 1. (in Russ.).
- Okladnikov A. P. [The Neolithic Burial on Mount Afontova]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Information on Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture], 1949, iss. 25, pp. 7–13. (in Russ.).
- Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya. Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye* [The Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal Region. Historical and Archaeological Research]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1950, parts 1–2. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 18). (in Russ.).
- Okladnikov A. P., Kirillov I. I. *Yugo-Vostochnoye Zabaykal'ye v epokhu kamnya i ranney bronzы* [South-Eastern Transbaikalia in the Stone and Early Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. (in Russ.).
- Petrov A. I. *Epokha pozdnego neolita i ranney bronzы v Srednem Priirtysh'ye* [The Late Neolithic and Early Bronze Ages in the Middle Irtysh Region]. Omsk: OmGU Publ., 2014. (in Russ.).
- Razgildeeva I. I., Kunikita D., Yanshina O. V. [New Data about Age of Oldest Pottery Complexes of West Transbaikalia Area]. *Evraziya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures], 2013, iss. 2, pp. 168–178. (in Russ.).
- Saveliev N. A., Dudarek S. P., Timoschenko A. A., Lokhov D. N. [Sosnovyi Mys Burial Ground in the Northern Angara Region: Analysis of the Mortuary Tradition and the Results of Radiocarbon Dating]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2020, vol. 34, pp. 3–37. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.3 (in Russ.).
- Saveliev N. A., Ulanov I. V. [Early Neolithic Pottery of the Multilayered Site Ust-Khaita (Southern Angara Region)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2019, vol. 29, pp. 38–72. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.38 (in Russ.).
- Saveliev N. A., Ulanov I. V. [Neolithic Pottery of the Multilayered Site Gorelyi Les (South Angara Region)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2018, vol. 26, pp. 46–85. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.46 (in Russ.).

Shevkomud I. Ya., Yanshina O. V. *Nachalo neolita v Priamur'ye: poseleniye Goncharka-1* [The Beginning of the Neolithic in the Cis-Amur Region: The Goncharka-1 Settlement]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2012. (in Russ.).

Tsydenova N. V. *Neolit — bronzovyy vek Zapadnogo Zabaykal'ya (po materialam stoyanok Krasnaya Gorka, Yartsy Baykal'skiye, Mukhanskiye Ozera I): kand. dis.* [The Neolithic — Bronze Age of Western Trans-Baikalia (Based on Materials from the Krasnaya Gorka, Yartsy Baikalskie, Mukhanskies Ozera I Sites): Diss. Cand.]. Novosibirsk, 2021. (in Russ.).

Ulanov I. V. *Drevneye goncharstvo yuga Baykalo-Yeniseyskoy Sibiri: kul'turnyye i tekhnologicheskiye traditsii: kand. dis.* [Ancient Pottery in the South of Baikal-Yenisei Siberia: Cultural and Technological Traditions: Diss. Cand.]. Saint Petersburg, 2022. (in Russ.).

Ulanov I. V., Berdnikov I. M., Sokolova N. B., Abrashina M. E., Ulanova A. V. [Middle Neolithic in Baikal-Yenisei Siberia: Technological and Cultural Traditions of Pottery Reviewed]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 530–559. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-530-559 (in Russ.).

Vetrov V. M. [Archaeology of the Vitim Plateau: Ust-Yumurchen Culture (5–4.6–3.5 Thousand Years Ago)]. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU Publ., 2011, iss. 2, pp. 34–41. (in Russ.).

Vetrov V. M., Ineshin E. M. The Most Ancient Ceramics of Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 453–473. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.205 (in English).

Weber A. V. [Neolithic and Early Bronze Age of Cis-Baikal: Main Factors and Processes in the Development of Hunter-Gatherer Cultures]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2023, vol. 43, pp. 128–187. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.43.128 (in Russ.).

Weber A. V., Bronk Ramsey C., Schulting R. J., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I. [Neolithic and Early Bronze Age of Cis-Baikal: Chronology and Dietary Trends]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2023, vol. 43, pp. 7–59. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.43.7 (in Russ.).

Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D. J., Pan Y. et al. Early Pottery at 20,000 Years Ago in Xianrendong Cave, China. *Science*, 2012, vol. 336, iss. 6089, pp. 1696–1700. DOI: 10.1126/science.1218643 (in English).

Yang H., Liu G., Tang C. The Origin of Jades in East Asia: Jades of the Xinglongwa Culture. Hong Kong, 2007. (in English).

Yanshina O. V. *Perekhod ot paleolita k neolitu v Kitaye* [The Transition from the Paleolithic to the Neolithic in China]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2021. (in Russ.).

Zakh V. A., Zimina O. Yu. [On the Interaction between the Andrejevskaya and the Lipchinskaya Cultures in the Lower Tobol River Basin (Based on the Materials of Velizhany 1 Settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 2 (41), pp. 5–16. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-005-016 (in Russ.).

Zhang C. The Discovery of Early Pottery in China. *Documenta Praehistorica*, 2002, vol. 29, pp. 29–35. (in English).

Zhang W. [Preliminary Understanding of the Cultural Remains of the Middle Neolithic Period in the Southern Edge of the Inner Mongolia Plateau]. *Běifāng wénwù* [Northern Cultural Relics], 2023, no. 01, pp. 51–59. (in Chinese).

Zhushchikhovskaya I. S., Mylnikova L. N. [The Oldest Ceramics of East Asia: Current Research Questions (Materials for the Educational Course “Ceramics as an Archaeological Source”)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 7, pp. 10–33. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-10-33 (in Russ.).

Для цитирования: Бердников И. М., Соколова Н. Б. Динамика неолитических культур Байкало-Енисейской Сибири в контексте каменного века Северной Азии и сопредельных территорий // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 6–20. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-6-20.

For citation: Berdnikov I. M., Sokolova N. B. Dynamics of Neolithic Cultures of Baikal-Yenisei Siberia in the Context of the Stone Age of Northern Asia and Neighboring Territories // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 6–20. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-6-20.